

Попова Ирина Михайловна

ДЕФОРМАЦИЯ СМЫСЛА КОНЦЕПТА БЛАГО КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ ДУХОВНОСТИ (ПО РОМАНУ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА "ОБИТЕЛЬ")

Статья посвящена изучению исторического смысла концепта БЛАГО и других слов этого лексического ряда, являющихся способом выражения авторской позиции, характеристики образов и формулирования основной идеи произведения в творчестве Захара Прилепина. Выявляется, что в послереволюционную эпоху смысл концепта БЛАГО и его производных искажился так, что из духовной сферы, отражающей отношения человека и Бога, он перешел в область физиологической функциональности человека, свидетельствуя о катастрофическом падении духовного уровня, ведущем к агрессии и человеконенавистничеству. Только в среде священнослужителей были сохранены первосмыслы евангельских слов и выражений: благодать, благословенный, благостный и многие другие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 44-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / предисл. Р. О. Якобсона. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. Т. 1-2. 1328 с.
2. Иванов В. В. К архаичным формулам в хеттских гимнах // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Знак, 2009. Т. V. Мифология и фольклор. С. 187-190.
3. Покатилова Н. В. К проблеме формульности в малых жанрах фольклора: якутский чабыргах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 42-45.
4. Покатилова Н. В. О фольклорном наследии А. А. Саввина: интеллектуальный контекст и исследовательский подход // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 133-138.
5. Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 4. Оп. 12.
6. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 99-132.

**ON THE PROBLEM OF FIXING ARCHAIC LAYER OF ORAL TRADITION
(BY THE EXAMPLE OF SMALL GENRES IN A. A. SAVVIN'S EXPEDITION MATERIALS)**

Pokatilova Nadezhda Volodarovna, Doctor in Philology, Professor, Leading Scientist
*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
pnv_ysu@mail.ru*

One of the essential results of A. A. Savvin's expedition to Vilyuy region of Yakutia at the end of the 30s is the fixation of folkloric material which is of scientific value as a representation of the most archaic layer of oral tradition. In this connection the paper for the first time examines the range of small genres and forms as an object of researcher's close attention. The conceptuality of A. A. Savvin-collector is determined by systematicity of his approach when he goes beyond the tradition of perceiving small genres only as linguistic units and doesn't limit himself to just fixing their lexical structure. Small genres in his materials are represented as integrity of verbal and non-verbal aspects of expression, in the context of correlation of textual and non-textual data including informants' testimonies on genre conceptions in the tradition itself. Consequently A. A. Savvin's studies changed cardinally the meaning of this stratum as textual sequence with its own principles of functioning, past and present diachronic changes. Such an approach to small genres promotes typological generalization of the acquired material as prototypical forms of archaic origin.

Key words and phrases: oral tradition; small folklore genres; short verse; formula language; text; diachronic changes; archaic texts of tradition.

УДК 821.161.1

Статья посвящена изучению исторического смысла концепта БЛАГО и других слов этого лексического ряда, являющихся способом выражения авторской позиции, характеристики образов и формулирования основной идеи произведения в творчестве Захара Прилепина. Выявляется, что в послереволюционную эпоху смысл концепта БЛАГО и его производных искажился так, что из духовной сферы, отражающей отношения человека и Бога, он перешел в область физиологической функциональности человека, свидетельствуя о катастрофическом падении духовного уровня, ведущем к агрессии и человеконенавистничеству. Только в среде священнослужителей были сохранены первосмыслы евангельских слов и выражений: благодать, благословенный, благостный и многие другие.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептум; образ; символ; смысл слова; динамика исторических коннотаций как способ выражения авторского сознания.

Попова Ирина Михайловна, д. филол. н.
*Тамбовский государственный технический университет
kafruss@mail.ru*

**ДЕФОРМАЦИЯ СМЫСЛА КОНЦЕПТА БЛАГО КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ ДУХОВНОСТИ
(ПО РОМАНУ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»)**

Мы используем разработанный (вслед за Ю. В. Карауловым [2, с. 3-8]) В. В. Колесовым термин «концептум» в значении «ядро первосмысла». А концепт определяется как «скорлупа этого ядра». Эта терминология, на наш взгляд, более точно и образно определяет особенности художественных концептов. Ученый справедливо подчеркивал, что «развитие каждого слова идет от концептума (первосмысла слова) через осмысленный концепт (скорлупу ядра) к явленному в слове понятию... В точке понятия смыкаются обе линии развертывания и именно потому, что понятие есть “явленный концептум”, в данный момент достигнутый пониманием всего общества» [4, с. 536].

Таким образом, смысл слова определяется связью между словом и обозначаемым им предметом. В своих толкованиях смысла слова необходимо двигаться «не от понятия к слову, а от слов к существенным признакам содержания понятия, явленным в его содержательных формах» [Там же, с. 537].

В романе Захара Прилепина «Обитель» показано, насколько сильно изменились содержательные формы концепта БЛАГО. В период революции в российском обществе существовало резко обнажившееся в конце XX века разделение социального порядка, вызванное настойчивыми поисками справедливости. Происходят изменения в поиске смысла бытия и мировоззренческих ценностей, в то время как в Библии такое понятие отсутствует. Очень своеобразно понимается в связи с этим концепт БЛАГОДАРНОСТЬ. Преподобный Ефрем Сирий, повторяя библейские слова «За все благодарите!» (гл. 5, ст. 18), писал: «Благодарность приемлющего побуждает Дающего давать дары больше прежних» [7]. Он просит христиан не только возносить Богу внешнее благодарение и людям за благо, но и постоянно сердечно молиться за своих благодетелей. Постоянное чувство признательности Богу и нашим близким будет облагораживать душу благодарящих и приносить им большую духовную пользу.

В «Словаре русской ментальности» слово «благодарность» определено таким образом: «Благодарность – это чувство признательности в виде готовности отблагодарить за помощь, услугу или выручку... Благодарность выражается словом или делом; её нельзя самому требовать от окружающих (слово “спасибо” не жалей, чужого не жди)» [5, с. 45].

Благодарность чаще всего сочетается с определениями *безмерная, вечная, немая, должная, огромная, искренняя*. Неблагодарность считается самым тяжким человеческим пороком.

То, как изменилось понимание слова «благодарность» в 20-е годы XX века, демонстрируется в романе «Обитель» в высказываниях интеллигента Василия Петровича Вершилина. После краткого разговора с начальником лагеря Эйхманисом о погоде (на французском языке) этот бывший белогвардейский офицер, ставший заключенным концлагеря, говорит об Эйхманисе: «Знаете, это постыдная, это отвратительная черта... Мало ведь того, что он просто решил побеседовать со мной, – он обратился ко мне по-французски! И я сразу готов все простить ему. И даже полюбить его! <...> Я же должен, простите великодушно, наплевать ему в эти ягодицы – а вместо этого несут их с *благодарностью* за то, что этот человек умеет по-французски и снисходит до меня! <...> Как я себя ненавижу, Артем! Чёрт меня раздери!» [6, с. 17].

Из приведенного эпизода очевидно, как ложная гордыня «разрывает» сердце этого героя Прилепина. Он ненавидит Эйхманиса за то, что социальная пирамида в революционное время перевернулась. Элита оказалась внизу, а сын курляндского крестьянина Теодор Эйхманис и подобные ему «выскочки» составляют ее вершину в качестве членов новой большевистской элиты. Слово «благодарность» здесь употреблено в следующем смысле: проявление рабской зависимости, подчинение «быдлу» в новых социальных обстоятельствах.

Искажение смысла лексики, образованной от корня «благо», было очень сильным. Об этом говорит и слово «благоговейно», употребленное повествователем при описании сна Артема Горяинова «О вареном яйце», передающее мысли и настроение протагониста: «...обычное варёное яйцо. Оно светилось изнутри желтком – будто наполненным солнцем, источник тепло, ласку. Артём *благоговейно* коснулся его пальцами – и пальцам стало горячо. Он бережно надломил яйцо, оно распалось на две половинки белка, в одной из которых, безбожно голый, призывный, словно бы пульсирующий, лежал желток... Некоторое время Артём рассматривал разломанное яйцо, не в силах решить, с чего начать – с белка или желтка. *Молитвенно* наклонился к яйцу, чтобы бережным движением слизнуть соль» [Там же, с. 25].

Слово «благоговейно» сочетается в приведенном тексте с выражениями «безбожно голый» и «молитвенно наклонился», повторенное дважды слово «бережно», «бережным движением» свидетельствует о том, что БЛАГОГОВЕНИЕ проявляется у героя только в отношении еды [Там же, с. 271]. Если БЛАГОДАРНОСТЬ – это чувство признательности любому человеку, сделавшему что-то хорошее, то БЛАГОГОВЕНИЕ на самом деле – это «радостное почтение в степени ужаса и смирения», покорности перед Высшей силой, страх Божий (церк.), богообязанность молящегося человека, испытывающего благодарность, вызванную осознанием им непостижимости величия Бога. Почтительное БЛАГОГОВЕНИЕ бывает глубоким, сердечным и означает преклонение перед высшим, непостижимым – это древнейший сакральный термин, означающий «благочестие и богобоязненность» [5, с. 45].

Прилепин подчеркивает произошедшую в сознании русского православного (Артем крещен, знает молитвы) человека кощунственную подмену: божественного – на тварное, символа вечности – на знак брэнного (утоление голода). «Безбожно голым» оказывается примитивное сознание протагониста, который создает кумира, являющегося в языческом народном творчестве символом земной жизни, – «обыкновенное яйцо».

Эта мысль подтверждается и в эпизоде, когда голодный и невыспавшийся Артем равнодушно гуляет по скверу между Святительским и Благовещенским корпусами. Благовещенье Пресвятой Богородицы для него – пустой звук, ведь у него «стихийное неверие», характерное для многих советских людей. И слово «БЛАГО» звучит в его уме исключительно в значении «хорошо все, что хорошо для него». Например, ему противны разговоры о смирении своих страстей, которые заводит Василий Петрович: «Звучало не совсем убедительно, но Артём, иронично глянув раз и ещё раз на Василия Петровича, ничего не сказал» [6, с. 42].

Во всех высказываниях протагониста слово «благо» применяется только в этом недуховном смысле: «благо – хорошо, удачно, полезно». Приведем еще один пример: «Артём изловчился и вдруг пробил правой прямой замечательно длинный удар Ксиве в лоб, да так точно, что голова его сначала, рискуя сломать шейные позвонки, резко шатнулась назад, а потом он всем телом завалился вперёд – *благо* что на балан, а то бы под воду ушёл» [Там же, с. 47].

Также концепт БЛАГОДАРЕНИЕ, как и другие подобные слова, применяется героями только по отношению к телу («такая благодарность во всем теле»; «разомлевший и благодарный Артем»; «зря мы сбежали от такого благословенного наряда»; Артем вернул себе тихое, хоть и улыбочное «благообразие» после еды). Таким образом, значение «полезное для души» переходит в сознании героев романа Прилепина в «полезное для тела».

Точное соответствие своему концепту (первосмыслу) слова духовной сферы имеют только в речи священников: отца Иоанна, отца Зиновия и отца Феофана, которые сохранили в своих сердцах веру. Своей духовной стойкостью, происходящей от неколебимой веры и наполненности благодатью, отец Иоанн привлекает к себе людей, вызывая у них самые разные чувства. Артема, мучающегося в своей богооставленности, в холодном одиночестве неверия, влечет к нему желание прикоснуться к исходящему от священника теплу человеколюбия. С другой стороны, отошедший от Бога, потерявший веру герой относится к словам владычки с недоверием и иронией. Протагонист не может, хотя очень хотел бы, противостоять отцу Иоанну. «Артём с тёплым удивлением поймал себя на мысли, что тоже хотел бы поцеловать эту руку, – ему помешала даже не гордость, а страх сделать это как-то неправильно. Он остался стоять чуть поодаль, но отец Иоанн поприветствовал и его, ласково кивнув, и в этом жесте не было никакого посылы, который оскорбил бы Артёма; то есть священник не говорил ему: ничего, что ты не подошёл под *благословение*, я понимаю, как это трудно, да и опасно в наши нелёгкие дни» [Там же, с. 44].

Или еще пример из речи отца Иоанна: «Ступайте по жизни твёрдо, но испытывайте непрестанные кротость и *благоговение* пред тем, кто неизбежно подаст всем служившим Ему свою *благодатную* помощь!» [Там же, с. 46]. Здесь концептумы слов «благоговение», «благодатный», «благословение» соответствуют первоначальному церковнославянскому смыслу.

Отец Иоанн постоянно напоминал заключенным, что от внутреннего состояния, от веры зависит тяжесть или легкость преодоления аскезы, которая налагается в Соловках на всех; что монахи жили еще труднее, но любили друг друга. «Дедушка (Савватий. – *И. П.*) явился на пустой остров – шесть лет прожил, ничего у него, кроме репы, не росло... никакого БЛАГОУСТРОЕНИЯ не имелось вовсе. А жил, старался! А мы что? Только обида и сердечное смятение, вместо того чтоб покаяться – и если не за те грехи, что вменили нам неразумные судьбы, так за другие» [Там же, с. 145], – твердит отец Иоанн. Он напоминает слова Иоанна Кронштадтского, который объяснял, что благодарность Богу и добрым людям, благотворившим Вас, больше приносит пользы тому, кто благодарит. От этого становятся тоньше душевные чувства, проявляется чувство нашей людской зависимости от Бога и от добрых людей, чувство ничтожества жизни без Бога, чувство немощи человека, понимание, что мы не можем обойтись без помощи ближних.

Василий Петрович и Артем считают, что все должен обустроить за человека, который делает зло, Бог. Когда кто-то удушил малолетнего беспризорника, вечно голодного и надоедавшего всем просьбами о еде, то Василий Петрович спросил: «Артём, а как вы думаете, чем сейчас занимается Иисус Христос? Какие-то у него должны быть дела, нет?» [Там же, с. 118]. Артем же делает вывод эгоиста, что здесь ему жить опасно и что надо срочно «искать другое место обитания» [Там же, с. 119]. Сами же герои романа, запятнав себя грехом убийства и не раскаявшись в этом, сетуют на свою богооставленность, не воспринимая нынешнее свое состояние как наказание за совершенные преступления. Оба персонажа не понимают, что зло творит сам человек, по своей свободной воле. А Бог при всей беспредельности своей любви не может отнять у него свободу выбора, которая изначально дана им человеку. Он может прийти на помощь, «дать БЛАГОДАТЬ» только в том случае, если сам человек этого захочет и обратится к нему, поняв, что ему самому не справиться со своей греховностью.

Благодать – это «исходящая свыше духовная свобода ВО БЛАГЕ, противопоставленная душевно греховности, идущей снизу, и плотской обязанности закона, навязанного извне». Старославянский смысл слова «БЛАГОДАТЬ» – это ниспосланная свыше спасительная сила, помощь [5, с. 46].

Благодать, иными словами Божественное благодеяние, – это высшая степень одоления, оказанная слабому, который понимает, что он слаб, из сострадания к нему, из жалости. Но это известно только «чистым сердцем», которые видят свою немощь, осознают свои грехи. Герои же романа З. Прилепина пребывают в губительной гордыне, из-за стыда и страха они отказываются не только раскаяться, но даже думать о совершенных ими грехах. Василий Петрович терзает себя размышлениями о причинах произошедшей социальной катастрофы, мучается воспоминаниями о прошлом и даже пытается найти пути искупления, но, не воспринимая убитых и замученных им большевиков такими же людьми, как и он сам, отказывая им в праве быть детьми Божьими, он закрывает себе путь к раскаянию и обретению благодати. А Артем просто отказывается думать о случившемся с ним. Он настолько сильно страшится осознать свою вину, что не желает принимать Божью помощь, даже когда она трижды посылается ему. Он не может покаяться даже перед лицом надвигающейся смерти в штрафном изоляторе на Секирке.

В современном языке слово «благодать» изменило свой первосмысл: вместо «дар Бога» его стали понимать как состояние физического блаженства, наслаждения чисто телесного. Сдвиг смысла произошел, потому что человеческая воля, как правило, сопротивляется БЛАГОДАТИ из-за гордыни, которая и должна преодолеваться. А ведь «Благодать» – это просветленная верой в Бога свобода [Там же, с. 47].

Артем не понимает сути слов с корнями *благо*. Он внимал отцу Иоанну только внешне: «его успокаивала не какая-то вдруг открывшаяся веская правда, а сама словесная вязь» [6, с. 40]. Артем не верит никому, даже сомневается в искренности владычки Иоанна: он молится, а Артем думает, что тот притворяется. Когда кто-то поставил отцу Иоанну пшенку и кипяток на пол рядом, «окликнул тихо, как окликают задремавшую

кормящую мать или больного», в Артеме что-то взбесилось и заклокотало внутри: «Он знал, что ему принесут... Знал и кривлялся, глупый старик» [Там же, с. 35]. Думая о страшной смерти, постигшей Афанасьева, Артем все-таки жалеет друга: «А за что ещё, Господи?.. Господи, ты есть?», – спрашивает герой [Там же, с. 535].

Не случайно протагонист слышит разговор владычки и Василия Петровича о свободе выбора, которым одарил Всеблагодой Господь человека: «Дар самый главный». Отец Иоанн приводит слова пророка Исаи: «На кого воззрю? Только на кроткого и молчаливого» [Там же, с. 46]. Он напоминает известное выражение Иакова: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Смиритесь перед Господом, и вознесет вас» (Иак. 4, 67). Но Артем не понимает ни смысла того, о чем говорит отец Иоанн, ни возможности если не спасения, то облегчения своих страданий, он только чувствует страх перед смертью и злобу, порождаемую этим страхом. Ведь именно страх и злоба, возникшие из безверия и чувства богооставленности, осознания своей слабости, одиночества и ничтожности в масштабах происходящих вокруг событий, заставляют Артема двигаться от греха к греху, до окончательного духовного опустошения. И даже самопожертвование, которое он совершает, заняв место приговоренного к расстрелу заключенного, не приносит ему искупления и благодати. А владычка наяву видит «горение» его страстей: Артем в его глазах предстает «горящей головней» [Там же, с. 539].

Сомнение в вере, богооставленность свойственны почти всем героям романа, даже отцу Иоанну, хотя тот быстро преодолевает это безблагодатное состояние души: «И бродят по Руси одни дети убийц святых мучеников, а новые мученики – сами дети убийц, потому что иных и нет уже?», – спрашивает владычка Иоанн и плачет при этом. Но через треть минуты говорит: «Но и этих надо любить... Сил бы» [Там же, с. 513].

У Артема процесс ощущения богооставленности длится очень долго, несмотря на постоянные знаки божественного присутствия в его жизни, реальной помощи Божьей: беседы с отцом Иоанном; явление на стене из-под штукатурки лика Спаса Нерукотворного; троекратное видение отшельника-затворника, явившего пример очень сильной веры и стойкости духовной. Артем ведь знал, кроме трех своих личных встреч с отшельником, еще и рассказанную Афанасьевым историю о его дальнейшей судьбе.

Монах-отшельник жил в крохотной земляной пещерке, питался кореньями и ягодами и к людям не выходил, семь лет был в таком полном затворе, что не знал даже, что вместо монастыря на Соловках сделали концлагерь. Отшельник являл собой пример крепкой веры, которая поддерживается Богом, по сути, заключенные СЛОНа видят проявление БЛАГОДАТИ. Ведь ему никто даже кипяток не носит, но он крепко стоит на ногах, оптимистичен и старается быть полезным людям, желает вступить в общение с Артемом, который его сразу отвергает.

Затворника и в ИСО держали, и в Кемь отправляли, но он вновь «вернулся на свой остров, в свою нору». Его поймали вновь и «определили в четырнадцатую роту», но он не сдавался и там, так как везде был с Богом. И умирая, прославлял Бога [Там же, с. 422-423].

Афанасьев насмеялся над святым, а Артем лениво «подумал только, что он тоже видел этого отшельника», но отнесся к этому равнодушно и никому ничего о нем не сказал.

Афанасьев, осуждая воров, говорит, что у них «вместо души – дуля, и эта дуля ухмыляется и показывает язык» [Там же, с. 423], что воров нельзя стать на время, «это уже навсегда». На самом деле поэт говорит о себе и об Артеме, потому что они оба, «слушая, не слышат, имея глаза, не видят» в святом месте присутствия и помощи высших сил.

Более двадцати раз Артем и Эйхманис произносят слово БЛАГО, но ни разу в его первосмысле, а только в «современном» понимании, то есть как нечто, что «приносит пользу, удовлетворяет жизненные потребности» [5, с. 44].

«Иго моё благо», – травестируя, цитирует Христа Эйхманис, отправляя на смерть очередную группу заключенных.

Первосмысл концепта БЛАГО – это «высшая степень единства красоты, истины и пользы, противопоставленная ценности как качеству – количеству в их совместном влиянии на совесть и благополучие человека, удовлетворяющая его безотносительно к цели устремления и права на него. Бескорыстная награда за благое дело, как блаженство и благодать... что постигается не знаниями, а верой и интуицией, – высшая степень доброты» [Там же].

Очень важно, что у персонажей нет Благоволения, то есть доброго расположения высшего к низшему, доброжелательного отношения по доброй воле к Всевышнему. Оно проявлено только у отца Иоанна, который говорит, что нужно и в заключении в концлагере видеть Божье Благоволение: «Господь показывает тебе весь этот беспорядок – значит, он хочет побудить тебя к восстановлению порядка в твоём сердце. Всё, что мы с тобой видим, – просвещение нашего сознания. За то лишь *благодарить* Господа надо, а не порицать!..», – говорит отец Иоанн [6, с. 163].

Кроме современного материального, искаженного непониманием смысла концепта БЛАГО, герои романа «Обитель» хорошо понимают и часто используют слова БЛАГОРАЗУМНО и БЛАГОПОЛУЧНО, чтобы можно было соблюдать чисто внешнее БЛАГООБРАЗИЕ речи.

Отец Зиновий по этому поводу рассуждает так: «Как всё правильно устроено в человеческом букваре... Переставь во всём букваре одну, всего единственную буквицу местами – и речь превратится в тарабарщину. Так и сознание человеческое. Оно хрупко! Человек думает, что он думает, – а он даже не в состоянии постичь своё сознание. И вот он, не умеющий разобраться со своим сознанием, рискует думать и объяснять Бога. А Богу можно только внимать. Перемени местом в сознании человека одну букву – и при внешней **благообразности** этого человека скоро станет видно, что у него путаница и ад во всех понятиях. Вот так и большевики...

Перепутали все буквы, и стали мы без ума. Вроде бы те же дела, и всё те же мытарства, а всмотреться если – сразу видно, что глаза мы носим задом наперёд и уши вывернуты внутрь» [Там же, с. 154].

Один из «перепутавших буквы» – Артем. Он страдает из-за тщеславия и гордыни, но не осознает этого. Игнатий Брянчанинов точно назвал причины состояния греха, который объял все тело, всю душу, овладел всеми силами и свойствами человека. Это порок гордыни: «Презрение ближнего. Предпочтение себя всем. Дерзость. Омрачение, дебелость ума и сердца. Пригвождение их к земному. Хула. Неверие. Прелесть. Лжеименный разум. Непокорность Закону Божию и Церкви. Последование своей плотской воле. Чтение книг еретических, развратных и суетных. Неповиновение властям. Колкое насмешничество. Оставление христоподражательного смирения и молчания. Потеря простоты. Потеря любви к Богу и ближнему. Ложная философия. Ересь. Безбожие. Невежество. Смерть души. Таковы язвы, составляющие собою великую язву, ветхость ветхого Адама, которая образовалась из его падения» [1, с. 168]. Вся эта цепочка грехопадения была пройдена Артемом после совершения убийства своего отца. В гордыне своей герой не только не ищет оправдания себе на людском суде, но и в лагере постепенно выдавливает из себя все, что мешает ему выжить, «благоустроиться», лишая тем самым себя возможности реально и правдиво взглянуть на свое духовное состояние, ослепляет себя непомерным эгоизмом. Вот один из примеров его ложной философии: избитый до полусмерти, Артем, не имеющий никакого отношения ни к революции, ни к большевизму, думает только об одном: контрреволюционер Бурцев бил его только по лицу, унижая этим. «Разве для этого мы делали революцию? <...> Для этого – чтоб каэр Бурцев бил меня по лицу? Эта недобитая белогвардейская гнида? <...> Почему революция не убила их всех?» [6, с. 139].

Так же, как и Артем, не осознают свои грехи, а считают себя выше других все заключенные СЛОНА. Об этом говорит странное восприятие лагерниками спектакля по пьесе А. Н. Островского. Когда мать шепчет одному из сыновей, что все они «тихие и смиренные», а сын прерывает ее, говоря: «При отце! <...> А так за пазухой ножи у всех! Зрители гудели, отчего-то довольные собой» [Там же, с. 387]. Понятно, что они «перепутали все буквы» и считают ненависть и агрессию к ближнему своим достоинством, а «смирение» – слабостью, недостойной человека. Это «благоразумно», по их мнению.

«Перепутаны буквы» и в голове у Эйхманиса, который считает: «Сначала запретить носить рясу – а потом разрешить: и вроде как *благое* дело зачлось? Можно ещё выпороть кого, а потом маслом смазать по голым костям – ещё одно *благое* дело» [Там же, с. 273].

Следует отметить, что произошло искажение понимания смысла слова «благодущие», в конце XIX века (Словарь 1847 года) его стали считать «церковным». Благодущие – древнерусское слово, которое имело значение «выдержка, мужество (XIV век)», «доброжелательность» (1528) от благая душа, а современное понимание – «спокойно-умиротворенное состояние» [5, с. 47]. В тексте романа оно употребляется только в последнем из названных значений: «Кто-то из шедших по двору лагерников не поприветствовал Эйхманиса как положено, и он, минуту назад пребывавший в *благодущном* настроении, вдруг закричал в натуральном бешенстве: – Кто? Кто такие? Рота! Не слышу? Командира роты ко мне!» [6, с. 253].

«Благоволение» в современном смысле как проявление благосклонности употребляется в романе «Обитель» исключительно по отношению к женщине, которая нравится мужчине. Вот типичный пример из текста: «Хотя, возможно, доктор Али просто *благоволил* к чекистке по имени Галина и хотел ей услужить...» [Там же, с. 483].

Особенно много слов из лексического ряда БЛАГО звучит в штрафном изоляторе, то есть в церкви Вознесения Господня, когда там идет спасительное покаяние и причащение заключенных: «Все**благ**ой Бог», «не**благ**оверное отношение к святыне», «**Благ**остное счастье», «**благ**ословенный голос», «**благ**одарю за все», «**благ**одарные глаза», «**благ**остно», «**благ**ословение» и др.

У измученных кающихся людей возродилось Благонравие и Благочестие, то есть «религиозное рвение, постоянное чувство присутствия Бога» [5, с. 49]. Раскаившись, люди почувствовали, что штрафная «преисподняя» на Секиркиной горе превратилась в «царство небесное». Ранее «презренное» поведение отца Зиновия стало вызывать уважение и не «отдавало нарочитым юродством»: «За юродством явственно просматривались крепость духа и яростное человеческое мужество» [6, с. 554]. А отцы Зиновий и Иоанн совершают подвиг духовного спасения заключенных штрафного отделения, убедив отчаявшихся, измученных людей отбросить гордыню, за которой они прятались от страха осознания глубины своего падения, раскаяться и просить помощи Божьей.

Отец Иоанн и отец Зиновий стояли рядом, спина к спине, и «к их тёплым рукам, на их голоса сходились всё новые и новые несчастные:

– Мы не пропадём, отцы? – вскрикнул кто-то через головы, обращаясь к двум батюшкам сразу.

– Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы, – отвечал батюшка Зиновий. – И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит она всем. Мы с вами на вершине Секиркиной горы, и свет наш будет виден с другого конца земли» [Там же, с. 558]. Все ощутили БЛАГОДАТЬ Божью. После причащения церковь «звенела» от чистоты.

Слова «благо» и «благодать» настолько профанировались в начале XX века, что первоначальный их смысл – дар Божий – в послереволюционное время был утерян, слово стало употребляться по поводу любого телесного и душевного наслаждения. И переводчица Валентина Григорьевна Кузнецова в современный перевод Евангелия вставила вместо концепта «БЛАГОДАТЬ» слово «доброта», что не совсем адекватно первому изначальному смыслу, концептуму, существовавшему до его упрощения и перевода в полусветскую лексику из лексики богословской.

В XX веке возникли такие производные от слова «благодать», как «блажь», «блажить», препятствующие невоцерковлённым людям правильно воспринимать исконный положительный смысл этого слова.

Сбылось пророчество апостола Луки: «С тем бывает, что собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет. Душа больше пищи, и тело – одежды. Прежде всего ищите Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам» (Лк. 12:15). Послереволюционное поколение, действительно, по-своему расставило приоритеты, поставив на первое место важность земного, материального существования, а только на второе – нравственное, но безрелигиозное совершенствование человека, что и стало причиной глобального духовного, а после – социального кризиса.

Таким образом, можно резюмировать, что первосмыслы слов духовно-церковной сферы были искажены новым идеологическим сознанием русских людей XX века. Применяя церковную лексику с корнем БЛАГ в своем романе «Обитель», Захар Прилепин показывает, что все коннотации концепта БЛАГО претерпели изменения, перейдя из сферы духовности в область описания физиологических процессов, происходящих в человеческом организме. Бога в Соловецком концлагере заменил идол телесно-душевной распущенности (еда, любодение, месть, ненависть и др.). Осознав путем страданий, что богооставленность ведет в ад, многие заключенные раскисались в своем человеконенавистничестве и пытались спасти свои души, вернувшись к Вере. Об этом свидетельствует сохранение в первоиздании концептума БЛАГО и его лексического ряда в речах оставшихся на Соловках монахов и священнослужителей, сумевших сберечь в душах людей «искру веры» и воспламенить ее своим вдохновенным словом. Мастерски используя художественный прием контраста между искаженными смыслами концептума БЛАГО в речи заключенных и сохраненными первосмыслами слов Евангелия в устах монахов, Захар Прилепин продемонстрировал значимость выбора каждого человека между адом («цирком в аду»), каким стал антимонастырь на Соловках, и вечным райским состоянием души, к которому призывали и в конце концов привели многих героев романа отцы Иоанн и Зиновий стойкостью своей веры.

Список источников

1. **Игнатий Брянчанинов, святитель.** Собрание творений: в 7-ми т. М.: Благовест, 2011. Т. 1. Жизнеописание. Аскетические опыты. Кн. 1. 608 с.
2. **Караулов Ю. Н.** Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*: сб. статей / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
3. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. **Колесов В. В.** Принцип «Словаря русской ментальности» // Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. *Словарь русской ментальности*: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. С. 527-552.
5. **Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.** *Словарь русской ментальности*: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.
6. **Прилепин З.** *Обитель*: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015. 746 с.
7. **Прп. Ефрем Сирин** [Электронный ресурс] // Толкования Священного Писания. URL: http://bible.optina.ru/new:1sol:05:18#prp_efrem_sirin (дата обращения: 24.10.2017).

DEFORMING THE MEANING OF THE CONCEPT “GOOD” AS AN INDICATOR OF SPIRITUALITY LEVEL (BY THE EXAMPLE OF ZAKHAR PRILEPIN’S NOVEL “ABODE”)

Popova Irina Mikhailovna, Doctor in Philology
Tambov State Technical University
kafruss@mail.ru

The article is devoted to studying historical meaning of the concept GOOD and other words of this lexical line which serve to express author’s viewpoint, to characterize images and to formulate the basic idea of the novel in Zakhar Prilepin’s creative work. According to the researcher, in post-revolutionary epoch the meaning of the concept GOOD and its derivatives has been distorted in such a way that from the spiritual sphere representing the relations between the human and God it transferred into the sphere of human’s physiological functionality, indicating the catastrophic decay of spirituality leading to aggression and misanthropy. Only the priesthood preserved the original meanings of evangelical words and expressions: grace, blessed, gracious and many others.

Key words and phrases: concept; conceptum; image; symbol; word meaning; dynamics of historical connotations as means to express author’s consciousness.